

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ОБРАЗОВ ИНДЕЙЦА В НОВОЙ АНГЛИИ В XVIII в.¹

Якушенков С.Н.

Якушенков Сергей Николаевич, Астраханский государственный университет,
Астрахань, 414056, ул. Татищева 20А.
E-mail: shuilong@mail.ru

Статья посвящена вопросу трансформации образа индейца в восприятии американских колонистов Новой Англии в XVIII в. Межкультурная коммуникация белых с индейцами принимала самые разнообразные формы: от мирного сосуществования квакеров Пенна с делававами, до резни племени саскуеханнок Пакстонскими мальчиками. Семилетняя война в Америке и восстание Понтиака больно отразились на жителях фронтальной территории, вынужденных постоянно отражать набеги индейцев или участвовать в военных операциях британской армии против индейцев. В отдельных случаях ненависть по отношению к индейцам была столь велика, что белые колонисты не щадили ни женщин, ни детей, а в отдельных случаях с риском для себя были готовы прибегнуть к распространению оспы среди индейцев.

Все это осложняет ответ на вопрос, почему во множестве случаев колонисты прибегали к образу индейца для выражения своих интересов. Нередко, этот образ служил для того, чтобы скрыть свое истинное лицо, изобразить себя асоциальными дикими индейцами, а не добропорядочными колонистами. Но параллельно с этим индеец оказывался и символом «американскости», принадлежности к американской культуре, противостоящей английским традициям и британской короне. Бостонское чаепитие может выступать в качестве примера такой модели поведения. Особенно показателен тот факт, что отношения с индейцами в колонии Массачусетс было не столь радужными, как в Пенсильвании. Однако, и здесь революционные лозунги нередко наполнялись индейской символикой. Все это показывает, что индеец как Чужой постоянно занимал все семантическое поле, выступая то в качестве врага, то друга, союзника и примера для подражания. Данная статья является лишь первой частью, в которой рассматривается вопрос символики Чужого (на примере образа индейца) в американском культурном контексте Новой Англии. Во второй части статьи будут рассмотрены примеры из истории Новой Англии XVIII в. с использованием образа индейца как в контексте европейской святости, так и современные традиции использования индейской символики в американском спорте.

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 15-03-00402 ("а") «Чужой/Другой в меняющемся мире: от онтологии к гносеологической типологизации»

Ключевые слова: Образ индейца, Чужой, враг, коренные американцы, Новая Англия, Пенсильвания, Бостонское чаепитие.

«Таменунд возвысил свой голос.

– Довольно! – сказал он. – Ступайте, дети ленапов, гнев Маниту еще не иссяк! Зачем оставаться Таменунду? Бледнолицые – хозяйева земли, а день краснокожих ещё не настал. Мой день был слишком долог. В утро моей жизни я видел сынов Унамис счастливыми и сильными, а теперь, на склоне моих дней, дожил до того, что видел смерть последнего воина из мудрого племени могокан!» Ф. Купер «Последний из могокан».

Середина XVIII в. в Североамериканских колониях Великобритании ознаменовалась рядом событий, которые серьезнейшим образом повлияли на дальнейший исторический процесс на этой территории. К началу Семилетней войны на Американском континенте существовал определенный паритет сил, в котором индейцы играли важную роль. Они были важным и могущественным союзником, который способствовал во многом процветанию английских колоний. Правда, отношения с индейцами складывались по-разному в каждой из колоний, но в некоторых из них, как, например, Пенсильвания, квакерам удавалось длительное время сохранять мир с индейцами, что гарантировало колонистам Пенна процветание и спокойствие.

Но к началу Семилетней войны враждующие силы (англичане/французы) оказались в близости друг к другу. Учитывая, что у обеих сторон были одинаковые цели – получение прибыли от торговли с индейцами пушниной (первоначально мехами, а затем и оленьими кожами), конфликт был неизбежен, даже если бы на европейском континенте не разразилась Семилетняя война. Оказавшись посередине международного конфликта, индейцам приходилось встраиваться в новые для них отношения, что привело к сложной ситуации для них. Индеец оказался сразу же в нескольких ипостасях: врага и друга. И порой сложно было разобраться, кто есть кто, когда грохотали пушки (Forbes & Stewart, стр. 36).

На протяжении всего военного театра Семилетней войны в Америке провинциальные войска, вместе с регулярными английскими

войсками, жили, сражались, истекали кровью и умирали бок о бок с индейскими воинами» (Preston, стр. 281).

В этой статье мы попытаемся рассмотреть семантическое разнообразие образа индейца во второй половине XVIII в. в Новой Англии.

16 декабря 1773 г. бостонцы, недовольные британским экономическим прессингом по отношению к жителям североамериканских колоний, захватили торговый корабль «Дартмут», груженный чаем, и выкинули в Бостонскую гавань весь груз¹. Тем самым они выразили свое несогласие с политикой таможенных пошлин, которыми облагались товары, доставляемые в колонии. Это событие вошло в историю под названием «Бостонское чаепитие».

Самое примечательное в этом событии было то, что часть активистов этого движения была одета индейцами. Они нанесли на лица боевой раскрас, напоминающий племя мохок (Mohawk), накинули на тела индейские одеяла, двигались они гуськом или индейским строем, издавая боевые кличи мохоков.

Многие из участников этого движения даже называли себя мохоками. А их гимн, распеваемый на мотив известной песни «Правь, Британия», начинался следующими словами:

«Собирайтесь мохоки, приносите свои топоры.

И скажите королю Георгу, что мы не заплатим налог

На его заморский чай» (Goss, p. 128).

Эдвард Проктор, один из лидеров движения мохоков, даже выпускает прокламацию от имени «короля мохоков», называя себя главным сахемом. В это прокламации чай назван «индейской травой», что дает право «индейцам мохокам» употреблять ее беспошлинно: От Главного Сахема мохоков, Короля Шести Наций и Господина всех их Замков, и т.д., и т.д.

Всем нашим вассалам – Здоровья

Поскольку чай – индейское растение и по праву принадлежит индейцам всех земель и всех племен» (Drake, pp. 157-158).

Помимо племени мохок, по отношению к участникам Бостонского чаепития использовался и этноним наррагансетты. Вот как это описывается в одной из бостонских газет от 3-его января 1774 г.: «Поскольку было сообщено, что один из Уитингтонов, из Дорчестера, забрал и частью ящика с чаем Ост-Индийской компании, группа индейцев с Мыса или индейцев наррагансеттов направилась в прошлую пятницу к дому капитана Ебенезера Уитингтона и его брата Филипа и тщательно обыскала их дом, не причинив никому вреда. Не найдя чая,

---

¹ См. Gunderson C. The Boston Tea Party. Edina (Minnesota): ABDO Publishing Company, 2004.

они проследовали к дому старого Уитингтона, в место под названием Содом, недалеко от Дорчерского дома собраний, где они нашли пол-ящика чая, который уплыл и который прибило к Дорчестерскому мысу. Они забрали его и доставили к Бостонскому общественному парку, где и придали огню» (Drake, стр. 86).

Вряд ли можно считать использование слова наррагансеты исключительным по отношению к революционно настроенным бостонцам. Этот же этноним употребляет по отношению к участникам и очевидец этих событий Джон Эндрюс, писавший в письме другу, что участники были индейцы наррагансетты. Он также дает живописное описание их внешнего вида и говорит, что они использовали язык, понятный только им (Drake, стр. 79).

Все было необычным в этом движении «псевдомохоков» или «наррагансеттов». Среди них не было ни одного индейца, только белые американцы, однако они очень старались походить на индейцев, раскрасив свои тела, общаясь языком жестов и издавая боевые кличи. Возникает несколько предположений, почему протестующие выбрали образ индейцев, чтобы продемонстрировать свое недовольство британской колониальной политикой.

И главным здесь, как нам кажется, было не стремление участников Бостонского чаепития остаться неузнанными. Но каковы тогда были истинные причины бостонских «мохоков» выдавать себя за индейцев?

С. Фрезер и Дж. Фриман, анализируя истоки популизма Движения чаепития (Tea Party movement), поясняют, что «в конце XVIII в. индейцы в Америке уже выступали в качестве символа угнетенного народа и в таком качестве оказались пригодными для использования теми, кто чувствовал себя подобным образом»¹ (2010, стр. 75). Все это было особенно удивительным, поскольку предки этих революционеров сделали все возможное, чтобы индейцы оказались в таком бедственном положении. Сложно сказать, ощущали ли «бостонские мохоки» какое-то сострадание к индейцам. Возможно, что да. Индейская тематика стала одной из главных тем в изображениях такого видного активиста движения как ювелир Поль Ревир, вошедший в историю как человек, который предупредил повстанцев о приближении английских войск, проскакав галопом из Бостона до Лексингтона.

Индейская тема в изделиях из серебра Ревира убедительно показывает, что эта тема была популярной среди многих колонистов, недовольных британской политикой. Но как это укладывается в

---

¹ Fraser S., Freeman J. B. IN THE REARVIEW MIRROR: History's Mad Hatters: The Strange Career of Tea Party Populism. // New Labor Forum, 2010, Vol. 19, No. 3, p. 75 (pp. 75-81).

недавнюю (1763-1766) войну с индейцами, возглавляемыми вождем Понтиаком? И хотя эта война прошла в некотором отдалении от Бостона, она в той или иной мере затрагивала чувства многих колонистов, подогревая и без того кипящие антииндейские настроения. Типичным примером таких настроений явилась резня, устроенная в Центральной Пенсильвании рейнджерами, получившими прозвище Пакстонские мальчишки (Paxton boys), зверски расправившимися с дружественным квакерам племенем саскуеханнок. Самое ужасное в этом заключалось то, что часть убитых индейцев находились под защитой городских властей Ланкастера, но это не остановило нападавших, которые не пощадили даже женщин и грудных детей, которых расчленили на куски. Важно отметить и то, что эти индейцы были христианами, а не какими-то язычниками.

И это произошло на территории, которая длительное время выступала своеобразной моделью толерантного отношения колонистов к индейскому населению.

Правда, вырезали индейцев не квакеры или лютеране, а пресвитерианские переселенцы из Шотландии и Ирландии, не очень-то и отличавшиеся своим внешним видом от индейцев, которых они убили. Один из квакеров, свидетелей резни, описывал пакстонцев как людей, «внешне похожих индейцев или индейских торговцев, одетых, на манер индейцев, в одеяла и мокасины, вооруженных ружьями и томагавками» (Dixon, p. 249). Некоторые из них еще раньше принимали участие в отражении индейских нападений на фронтальные поселения в Пенсильвании во время франко-индейской войны и восстания Понтиака (1763–1766).

Но общие антииндейские настроения были широко распространены в это время. Хотя некоторые ланкастерцы осудили убийство, но большинство или остались равнодушны к судьбе индейцев, или даже приветствовали резню. Жители крупных городов на Востоке, с симпатией относились к индейцам, они научились сосуществовать с ними, их благополучие во многом зависело от торговли с ними (Dunbar, p. 5). В это же время жители западных графств нередко испытывали на себе все сложности фронтальной жизни, не имея возможности или каких-то легальных механизмов для защиты своих интересов. Три восточных графства имели в два раза больше представителей в Ассамблее штата чем пять западных графств (Hindle, стр. 463).

Поэтому у каждой из групп населения Пенсильвании было свое видение проблемы. Попытка властей защитить индейцев от насилия воспринималась как оскорбление со стороны ирландцев и шотландцев западных графств, живущих в состоянии постоянной угрозы и ненависти к индейцам. Правда, нередко именно они и являлись одним из основных

источников конфликтов с индейцами, так как постоянно вторгались на их территорию.

Ситуацию подогревали и военные, которые рассматривали лишь один вариант взаимодействия с индейцами – их полное уничтожение. Для этого были хороши все возможные варианты. И в июне 1763 командование форта Питт решается на использование зараженных оспой одеял для распространения болезни среди индейцев (Fenn, pp. 1555-58). И хотя до сих пор выражаются сомнения о том, привели ли эти действия к успеху (Ranlet, 2000), для нашего исследования не важно, возымели ли действия военных в форте Питт какой-либо успех или нет. Для нас важнее сами намерения и попытки добиться уничтожения индейцев с помощью оспы, которые хорошо задокументированы самими военными (The papers of Col. Henry Bouquet, p. 215)) и гражданскими лицами (Volwiler, p. 400), или планы расправиться с индейцами с помощью специально обученных собак (см. письмо одного из соратников Б. Франклина Дж. Хьюза полковнику Г. Буке от 11 июля 1763 г. (The papers of Col. Henry Bouquet, 1942, pp. 214-215)).

Конечно, все эти желания расправиться с индейцами любой ценой можно отнести к тому бедственному положению, в котором прибывали пограничные форты, окруженные восставшими племенами, можно списать и на то, что те офицеры, которые принимали решения о подобных действиях не были колонистами. Полковник Г. Буке (Henry Bouquet) и капитан С. Эквайр (Simeon Esuyer) были швейцарцами на службе британской короны. Но, как нам кажется, жители прифронтирной полосы (т.е. простые гражданские колонисты) ненавидели индейцев еще больше. Причем многие из них находились с индейцами в приятельских отношениях. Достаточно вспомнить торговца из форта Питт Уильяма Трента, на дневник которого мы ссылались выше. Он сдержанно описывает, как к форту приходят два посланника из племени делаваров, предупреждающие их о готовящемся нападении на форт и советуящие покинуть его для безопасности. Они также уверяют, что будут верны миру (they would hold fast of the Chain of friendship). Далее Трент поясняет: “Из наших соображений мы дали два одеяла и платок из оспенного госпиталя. Надеюсь это будет иметь желаемый успех» (Volwiler, 1924).

Конечно, и среди военных, и жителей фронта можно было встретить самое различное отношение к индейцам. Показательно отношение к индейцам Джорджа Крогана (1718 – 1782) (George Croghan), сыгравшего огромную роль в заключении договоров о дружбе со многими индейскими племенами. Он хорошо знал индейские языки и пользовался огромным уважением со стороны индейцев и колонистов. Он также был успешным торговце и одним из крупнейших

землевладельцев в Пенсильвании. В распоряжении историков имеются характеристики индейцев, данные Кроганом в 1777 в ответах на вопросы королевского историографа Уильяма Робертсона, составившего специальный вопросник, касающийся самых разнообразных сторон жизни индейцев. В ответах Крогана мы видим вдумчивого человека, старающегося объективно и в то же время доброжелательно высказывать свое мнение о коренном населении Америки (Croghan & White). Его дневники также не содержат каких-либо негативных суждений, хотя ему бы было за что сердиться на индейцев. В 1763 г. его имение было сожжено индейцами во время восстания.

Мы не случайно привели пример с Кроганом в качестве нейтрального отношения к индейцам. Кроган, как и большинство паксоновских парней, был ирландцем, принадлежал к англиканской церкви (Volwiler, 1922, pp. 278-279). Но именно шотландцы и ирландцы были тем взрывным элементом, нарушающим сложившуюся систему отношений белых с индейцами. Эта ситуация еще больше накалилась в период восстания Понтиака. Спокойная и размеренная жизнь на Востоке выдавливала на фронт особый тип людей, не нашедших себя в этой жизни. Английский генерал Джон Форбс (1707-1759 гг.), командовавший западной экспедицией против французов во время франко-индейской войне, так охарактеризовал этот тип людей: «Я тщетно в начале льстил себе, что из Вирджинии и Пенсильвании могут быть присланы хорошие вооруженные силы, но мне жаль, что лишь некоторые из их главных офицеров являются исключением, все остальное – худшее сборище разорившихся трактирщиков, жокеев и индийских торговцев, и что люди, которыми они командуют, являются прямой копией своих офицеров, и не может быть иначе, поскольку они являются сборищем наихудших подонков в стране» (Forbes & Stewart, p. 38).

В результате во фронтальных городах западных территорий создавалась особая ситуация: с одной стороны, их благополучие зависело от торговли с индейцами и поэтому население этих городов состояло из самых различных социальных слоев: торговцев с индейцами, погонщиков лошадей, извозчиков повозок, искателей приключений, деклассированных элементов, а с другой стороны, эта публика в наибольшей степени страдала от набегов со стороны индейцев в период франко-индейской войны и восстания Понтиака, да и от различных слухов об индейцах. Как жаловался один из торговых агентов из фронтального Карлайла своим руководителям в Филадельфию, «вокруг особые элементы, которые суют свой нос в каждую повозку, в каждый тук, и часто спрашивают, не везут ли порох и свинец индейцам для убийства шотландцев и ирландцев» (Ridner, стр. 133-134). Весь этот посыл проявился и в так называемом Восстании Черных парней (Black

Boys), которое представляло собой движение фронтирных жителей (главным образом шотландцев и ирландцев) устроить после окончания Войны с Понтиаком блокаду товаров, посылаемых к индейцам. И хотя часть товаров принадлежали государству и предназначались в качестве дипломатических подарков индейцам, тем не менее даже эти обозы были перехвачены и уничтожены. В этом противостоянии, как правило, проигрывали торговцы с Востока. И хотя Черные парни непосредственно не выступали против индейцев, однако, и в этом движении проявлялся негативный настрой по отношению к коренным американцам.

Борец за права шотландцев-ирландцев, охотник на индейцев превращается в героя на западных территориях Пенсильвании. Подобный стереотип народного героя очень ярко проявился в образе Капитана Джека. Хотя не найден «реальный» прототип этому герою, да и сам он появляется на страницах газет лишь в 20-х гг. XIX в., правда, со ссылкой на газеты 50-60-х гг. предыдущего столетия. Персонаж этот фигурирует под разными именами: «Черный охотник», «Черное ружье», «Дикий охотник с Джуниаты», «Черный охотник из лесов», «Черный защитник» и т.д.. По легенде он поселился со своей семьей и друзьями в Западной Пенсильвании на реке Джуниате. Построил хижину и расчистил небольшой участок земли. Занимался охотой и рыбной ловлей, благо дичи было много. Но однажды, когда он вернулся с охоты, то обнаружил, что его хижину сожгли, а жена и дети убиты. С этого момента он начинает мстить индейцам, выслеживая их в ночи (Wagoner, стр. 100-102).

Правда, в отдельных случаях Капитан Джек предстает перед нами наполовину индейцем (Wagoner, стр. 110-112), что дает нам возможность отождествить его с реальными фронтирными прототипами, так Андроу Монтур (Andrew Montour) (Wagoner, стр. 111). Но какой бы реальный прототип не был выбран в качестве «изначального», вполне понятно, что Капитан Джек – собирательный образ, возникший в сознании фронтирных жителей Пенсильвании. Как писал пенсильванский историк Ч. Х. Зипе, «он никогда не существовал, за исключением как прекрасная идея этого периода» (Sipe, стр. 182). Американская исследовательница Ш. Вагонер, рассмотрев разные свидетельства и документы, приходит к тем же результатам (Wagoner, стр. 117). И хотя в некоторых вариантах легенды он предстает перед нами метисом или даже индейцем, его собирательный образ создавался во фронтирной среде в надежде на реального персонажа: траппера, полукровку, знатока местных лесов, удачного охотника и меткого стрелка, порой даже и индейца, но в одной надежде – надежде на спасение от «кровожадных» индейцев.

Но все это заставляет нас задать следующий вопрос: почему же в ряде случаев образ индейца всплывает в общественном сознании колонистов совершенно в другом контексте. Мы начали нашу статью с описания Бостонского чаепития, в котором участники оделись как индейцы. Конечно, можно посчитать, что бостонские события происходили в 1773 г., т.е. спустя многих лет после Семилетней войны и Восстания Понтиака. И кроме этого колония Массачусетс не испытывала тех ужасов войны с индейцами, которые испытали на себе пенсильванцы или виргинцы в 50-60-х гг. XVIII в. Их войны с индейцами закончились еще раньше.

Сложно сказать, почему бостонцы выбрали в качестве подражания именно мохоков, а не наррагансетов, хотя последнее были им понятнее. И как мы видели, этноним наррагансеты также употреблялся для обозначения этой группы колонистов, выступивших против английской короны. Если учесть, что «бостонские индейцы» были хорошо скоординированы, действовали слаженно, использовали команды, которые были непонятны другим, все это говорит, о том, что переодевание в индейцев было не просто спонтанным, а имело под собой длительные приготовления. Они тщательно готовились, гримировались, репетировали свои действия и т.д. Все это свидетельствует о длительной системе подготовки или практики, т.е. длительного «вживания в образ». Правда, всему этому есть лишь косвенные подтверждения.

Однако, то, что практика переодевания в индейцев имеет в американских колониях давнюю историю, свидетельствуют разнообразные факты. И Бостонское чаепитие не единичный факт.

Одним из первых случаев процесса переодевания в индейцев для выражения своего несогласия с действиями короны, произошедшим задолго до событий в Бостоне, было, так называемое, «Дело о мачтовом лесе», происшедшее в Нью Гемпшире в 30-е гг. XVIII в.

В 1730 г. в колонию Нью Гемпшир был назначен новый главный смотритель леса и помощник губернатора Дэвид Данбар. Среди множества функций в его обязанности входила и маркировка мачтового леса для королевского флота. Маркировке подлежали деревья (*Pinus strobus*), диаметр которых был больше 24 дюймов на высоте 3 футов от основания. До этого периода, хотя закон и существовал, в Нью Гемпшире у населения было множество уловок, чтобы избежать этого, особенно если это касалось леса, расположенного на частной территории. А в некоторых местах этой колонии жители просто игнорировали этот закон. Как правило, они срубали дерево не у корня, а значительно выше, там, где размер был меньше 24 дюймов. Дерево маркировали тремя зарубками, которые напоминали стрелу. С формальной точки зрения, если маркированное дерево даже

обнаруживали на лесопилке, то сложно было доказать его происхождение и истинный размер. Кроме этого такие деревья хорошо покупались в Испании, так как там на мачты шли деревья меньше указанного диаметра (Вахтер, р. 434).

Кроме этого жители Новой Англии активно сотрудничали и с французскими купцами, поставлявшими ром, патоку, французский шелк и другие товары. Как утверждал брат Дэвида Данбара Джеремиа, который тоже был королевским смотрителем королевского леса, в Бостоне жило больше сотни французов, занимавшихся контрабандой. А на вырученные от контрабанды деньги, они закупали суда, построенные в Новой Англии. Одним из главных товаров, по словам Джеремиа Данбара, был низкосортный ситец из Индии (Еаскотт, стр. 128-129).

Данбар, будучи человеком военным, взялся со всей строгостью исполнять этот закон. Зная, что не весь маркированный лес поступает на государственные лесопилки, он решил в 1734 г. проверить частные лесопилки городка Эксетер (Exeter). Лес, растущий на этой территории, объявлялся королевским, и на вырубку этого леса требовалась лицензия. Но это не касалось мачтового леса, который было запрещено вырубать. Все это вызвало возмущение жителей, которые всячески противодействовали властям. Сложно сказать, обнаружил ли он срубленные деревья, помеченные как королевский мачтовый лес, на лесопилке, принадлежащей семье Джилман. Прибыв на место, он был напуган криками из леса и выстрелами. Кто-то оскорбительно высказывался в его адрес и грозил ему расправой. Данбар посчитал, что лучше убраться от негостеприимных хозяев. В 1682 г. жители Экстера уже изгоняли начальника королевской полиции и его людей (Bell, 1871, стр. 25-27). Вернувшись в Портсмут, он нанял в порту группу людей, которые, как ему казалось, справятся с делом по устрашению непокорных жителей Экстера и доставке срубленного леса. Прибыв вечером 23 апреля в город, группа остановилась в таверне, принадлежавшей Самюэлю Джильману. Поняв из разговора подвыпившей компании, зачем приехали эти люди, Джильман сообщил им, что жители наняли индейцев, чтобы расправиться с приезжими. Новость о приезде группы Данбара разлетелась по городу, горожане, числом около тридцати, оделись индейцами и ворвались в таверну (Bell, 1888, р. 73). Люди Данбара были избиты и вынуждены были бежать. Но как оказалось, лодка, на которой они прибыли, была испорчена, и они чудом спаслись (Deloria, р. 11). Позднее один из помощников Данбара сообщал ему, что владельцы лесопилок наняли трех индейцев из племени натик, чтобы убить его и Данбара (Stone, р. 29). И хотя все это были лишь слухи, индеец, как некая угроза для королевских властей, играл здесь не последнюю роль.

Как мы видим, и здесь протестующие вновь прибегли к образу индейца. Правда, в этом случае они скрывали свои личности за внешностью индейцев.

Американская исследовательница Р. Грин, анализируя частое стремление белых колонистов переодеваться в индейцев, высказалась довольно категорично по этому вопросу: «Одна из старейших и наиболее распространенных форм американского культурного самовыражения, вне всякого сомнения одна из старейших форм, соотносимых с американской культурой на национальном уровне, – это «представление», которое я называю «игрой в индейцев». После вторжения этих «рыжих волосатых мужчин» в пятнадцатом веке в Северную Америку неиндейцы обнаружили, что «игра в индейцев» является самой неотъемлемой и явно удовлетворительной формой традиционного выражения... Это представление, или набор представлений, со многими этапами, исполнителями, контекстами и вариантами, имеет свои глубокие корни в создании своеобразной американской культуры. Я настаиваю на том, что оно представляло собой один из способов демаркации границ американской идентичности, отличающихся от традиции, связанной с Европой» (Green, стр. 30).

Но можно ли эту «игру в индейцев» представить лишь как попытку вписаться в новый культурный ландшафт или даже создать этот новый культурный стереотип, отличный от европейского? Как нам кажется, это лишь отчасти верно. Нередко белые переодевались в индейцев, демонстрируя пренебрежение к закону, выражая свою готовность к насилию и стремление защитить свои права, как, впрочем, это было и в случае с Бостонским чаепитием. Но, если в Бостоне «белые индейцы» и готовы были отождествлять себя с коренными американцам, демонстрируя свою «принадлежность» к племени мохоков, то «дикие янки», «белые индейцы штата Мэн» или лесорубы Нью Гемпшера вряд ли стремились к этому. Образ индейцам был лишь инструментом, с помощью которого они пытались «спрятать» свою идентичность. Если здесь и скрывался какой-то символ, то он ни в коей мере не был связан с какими-то симпатиями индейцам. Может быть права Р. Грин в своем заявлении: «Я настаиваю на том, что «игры в индейцев», в которых принимают участие не-индейцы, являются выражением физического и психологического вытеснения, даже смерти, настоящих индейцев. В этом смысле представление, часто устраиваемое из якобы декларированной любви к индейцам, на самом деле является обратной стороной другого известного культурного феномена, «ненависти к индейцам», часто находящего свое выражение в другом, смертельном жанре, называемом 'геноцид'». Многие «дикие янки» (Moyer, стр. 38-40)

или «белые индейцы Мэна»¹ (Taylor, pp. 181-189), рядившиеся индейцам, не испытывали никакой симпатии к индейцам. По своей ментальности они были ближе к Пакстонским мальчишкам. И все же, как полагает А. Тейлор, сравнение себя с индейцами имело глубокое значение для участников этого движения, так как подчеркивало связь восставших с «угнетенными индейцами, воспринимаемыми белыми, как отбросы общества. В коммуналистском и эгалитарном этосе индейцев («мы все братья») Брэккетт² видел возможность критики общества» (Taylor, стр. 187). К схожей метафоре братства прибегли и руководители восстания в конце XVIII в Западной Пенсильвании из-за налога на производство крепких напитков (Whiskey Rebellion). В памфлете «Индийский договор», приписываемом одному из руководителей восстания Г. Г. Бреккенридж (Hugh Henry Brackenridge (1748 – 1816), мы находим огромное количество аллюзий на Союз Ирокезов: Шесть объединенных племен Белых Индейцев³, вождь Белое Одеяло, племенной костер, обращение к читателям «братья» и т.д. (Brackenridge, p. 210).

Но помимо подобных групп, были и институализированные группы, изображавшие или называвшие себя индейцами, хотя таковыми не являлись. Индеец уже во второй половине XVIII в. оказался вписанным в новую обрядовую жизнь жителей Новой Англии. С особой очевидностью это проявилось в таком обществе, как «Сыны Св. Таммани». Феномен этого общества, центральной фигурой которого стал индейский вождь делаваров (ленапэ) Таманенда, заключившего договора с Уильямом Пенном о передаче белым колонистам части индейских земель.

(Продолжение следует)

Список литературы

Cabeen, F. A. (1901). The Society of the Sons of Saint Tammany of Philadelphia. *The Pennsylvania Magazine of History and Biography*, 25, 433-451.

Baxter, J. P. (1907). *The Baxter manuscripts*. Portland: Lefavor-Tower Company.

Bell, C. H. (1871). *Men and things of Exeter. Sketches from the history of an old New Hampshire town*. Exeter: The News-letter press.

---

¹ Движение белых колонистов за свои права в первом десятилетии XIX в. в Массачусетсе.

² Даниэль Брэккетт – один из лидеров восставших «белых индейцев» в Мэне

³ Six United Nations of White Indians

Bell, C. H. (1888). *History of the town of Exeter, New Hampshire*. Exeter.

Brackenridge, H. M. (1859). *History of the western insurrection in western Pennsylvania: commonly called the whiskey insurrection. 1794*. Pittsburgh: W. S. Haven.

Croghan, G., & White, A. (1947). The Opinions of George Croghan on the American Indian. *The Pennsylvania Magazine of History and Biography*, 71, 152-159.

Deloria, P. J. (1998). *Playing Indian*. New Haven: Yale University Press.

Dixon, D. (2014). *Never Come to Peace Again: Pontiac's Uprising and the Fate of the British Empire in North America*. Norman: University of Oklahoma Press.

Drake, F. S. (1884). *Tea leaves: being a collection of letters and documents relating to the shipment of tea to the American colonies in the year 1773*. Boston: A. O. Crane.

Dunbar, J. R. (1957). *The Paxton Papers*. The Hague: Martinus Nijhoff.

Eacott, J. (2016). *Selling Empire: India in the Making of Britain and America, 1600-1830*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.

Fenn, E. A. (2000). Biological Warfare in Eighteenth-Century North America: beyond Jeffery Amherst. *The Journal of American History*, 86, 1552-1580.

Forbes, J., & Stewart, I. (1927). *Letters of General John Forbes: Relating to the Expedition Against Fort Duquesne in 1758*. Pittsburgh: Allegheny County Committee.

Fraser, S., & Freeman, J. (2010). IN THE REARVIEW MIRROR: History's Mad Hatters: The Strange Career of Tea Party Populism. *New Labor Forum*, 19(3), 75-81.

Goss, E. H. (1891). *The Life of Colonel Paul Revere* (T. 1). Boston: Joseph George Cupples.

Green, R. (1988). The Tribe Called Wannabee: Playing Indian in America and Europe. *Folklore*, 99, 30-55.

Hindle, B. (1946). The March of the Paxton Boys. *The William and Mary Quarterly*, 3, 461-486.

Moyer, P. B. (2006). «A Dangerous Combination of Villains»: Pennsylvania's Wild Yankees and the social context of agrarian resistance in Early America. *Pennsylvania History: A Journal of Mid-Atlantic Studies*, 73, 37-68.

Preston, D. L. (2007). "Make Indians of Our White Men": British soldiers and Indian warriors from Braddock's to Forbes's Campaigns, 1755-1758. *Pennsylvania History*, 74, 280-306.

Ranlet, P. (2000). The British, the Indians, and Smallpox: What Actually Happened at Fort Pitt in 1763? *Pennsylvania History: A Journal of Mid-Atlantic Studies*, 67, 427-441.

Ridner, J. (2005). Relying of the "Saucy" Men of the Backcountry: Middlemen and the Fur Trade in Pennsylvania. *The Pennsylvania Magazine of History and Biography*, 129, 133-162.

Sipe, H. C. (1929). *The Indian wars of Pennsylvania*. Harrisburg: The Telegraph Press.

Stevens, S. K., & Kent, D. H. (Ред.). (1942). *The papers of Col. Henry Bouquet*. Harrisburg: Pennsylvania Historical Commission.

Stevens, S. K., & Kent, D. H. (Ред.). (1942). *The papers of Col. Henry Bouquet*. Harrisburg: Pennsylvania Historical Commission.

Stone, W. H. (September 1896 - February 1897 1897 г.). The Royal Pines of New Hampshire. *The New England magazine, N.S. 15 (O.S. 21)*, стр. 26-32.

Taylor, A. (1990). *Liberty Men and Great Proprietors: The Revolutionary Settlement on the Maine Frontier, 1760-1820*. Chapel Hill: UNC Press Books.

Volwiler, A. T. (1922). George Croghan and the Westward Movement, 1741-1782. *The Pennsylvania Magazine of History and Biography*, 46, 273-311.

Volwiler, A. T. (1924). William Trent's Journal at Fort Pitt, 1763. *The Mississippi Valley Historical Review*, 11, 390-413.

Wagoner, S. A. (1979). Captain Jack – man or myth? *Pennsylvania History: A Journal of Mid-Atlantic Studies*, 46, 99-118.

SEMANTIC DIVERSITY OF IMAGES OF THE INDIAN IN NEW ENGLAND IN THE XVIII CENTURY

Yakushenkov S.N.

Yakushenkov Serguey Nickolayevich, Astrakhan State University, 414056, Astrakhan, Russia, Tatischeva Str., 20a. E-mail: shuilong@mail.ru

The article is devoted to the transformation of the image of the Indian in the perception of the American colonists of New England in the 18th century. Intercultural communication of Whites with Native Americans took a wide variety of forms: from the peaceful coexistence of Penn's Quakers with the Delaware, to the massacre of the Susquehannock tribe (Conestoga) by Paxton Boys. The Seven-year war in America and the Pontiac rebellion hurt painfully the inhabitants of the Frontier territory, who were forced to reflect constantly the raids of the Indians or participate in the military operations of the British army against the Native

Americans. In some cases, hatred for the Indians was so great that the white colonists spared neither women nor children, and in some cases risked themselves in the spreading of smallpox among the Native Americans.

All this complicates the answer to the question of why in many cases the colonists resorted to the image of an Indian to express their interests. Often, this image served to hide their true face, portray themselves as antisocial wild Indians, and not good colonists. But at the same time the Indian turned out to be a symbol of “Americanness”, belonging to American culture, which is opposed to English traditions and the British crown. Boston Tea Party may act as an example of such a model of behavior. Especially indicative is the fact that the relationship with the Indians in the Colony of Massachusetts was not so rosy as in Pennsylvania. However, here again revolutionary slogans were often filled with Indian symbolism. All this shows that the Indian as the Other constantly occupied the entire semantic field, acting then as an enemy, then as a friend, as an ally and as a pattern to follow. This article is only the first part, which deals with the issue of the symbolism of the Alien (on the example of the Indian image) in the American cultural context of New England. In the second part of the article, examples from the history of New England of the 18th century will be considered. with the use of the image of the Indian both in the context of European holiness, and modern traditions of the use of Indian symbolism in American sport.

Key words: Image of the Indian, the Other, Alien, Native Americans, Symbols, New England, Pennsylvania, Boston Tea party.

References

Cabeen, F. A. (1901). The Society of the Sons of Saint Tammany of Philadelphia. *The Pennsylvania Magazine of History and Biography*, 25, 433-451.

Baxter, J. P. (1907). *The Baxter manuscripts*. Portland: Lefavor-Tower Company.

Bell, C. H. (1871). *Men and things of Exeter. Sketches from the history of an old New Hampshire town*. Exeter: The News-letter press.

Bell, C. H. (1888). *History of the town of Exeter, New Hampshire*. Exeter.

Brackenridge, H. M. (1859). *History of the western insurrection in western Pennsylvania: commonly called the whiskey insurrection. 1794*. Pittsburgh: W. S. Haven.

Croghan, G., & White, A. (1947). The Opinions of George Croghan on the American Indian. *The Pennsylvania Magazine of History and Biography*, 71, 152-159.

Deloria, P. J. (1998). *Playing Indian*. New Haven: Yale University Press.

Dixon, D. (2014). *Never Come to Peace Again: Pontiac's Uprising and the Fate of the British Empire in North America*. Norman: University of Oklahoma Press.

Drake, F. S. (1884). *Tea leaves: being a collection of letters and documents relating to the shipment of tea to the American colonies in the year 1773*. Boston: A. O. Crane.

Dunbar, J. R. (1957). *The Paxton Papers*. The Hague: Martinus Nijhoff.

Eacott, J. (2016). *Selling Empire: India in the Making of Britain and America, 1600-1830*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.

Fenn, E. A. (2000). Biological Warfare in Eighteenth-Century North America: beyond Jeffery Amherst. *The Journal of American History*, 86, 1552-1580.

Forbes, J., & Stewart, I. (1927). *Letters of General John Forbes: Relating to the Expedition Against Fort Duquesne in 1758*. Pittsburgh: Allegheny County Committee.

Fraser, S., & Freeman, J. (2010). IN THE REARVIEW MIRROR: History's Mad Hatters: The Strange Career of Tea Party Populism. *New Labor Forum*, 19(3), 75-81.

Goss, E. H. (1891). *The Life of Colonel Paul Revere* (T. 1). Boston: Joseph George Cupples.

Green, R. (1988). The Tribe Called Wannabee: Playing Indian in America and Europe. *Folklore*, 99, 30-55.

Hindle, B. (1946). The March of the Paxton Boys. *The William and Mary Quarterly*, 3, 461-486.

Moyer, P. B. (2006). «A Dangerous Combination of Villains»: Pennsylvania's Wild Yankees and the social context of agrarian resistance in Early America. *Pennsylvania History: A Journal of Mid-Atlantic Studies*, 73, 37-68.

Preston, D. L. (2007). "Make Indians of Our White Men": British soldiers and Indian warriors from Braddock's to Forbes's Campaigns, 1755-1758. *Pennsylvania History*, 74, 280-306.

Ranlet, P. (2000). The British, the Indians, and Smallpox: What Actually Happened at Fort Pitt in 1763? *Pennsylvania History: A Journal of Mid-Atlantic Studies*, 67, 427-441.

Ridner, J. (2005). Relying of the "Saucy" Men of the Backcountry: Middlemen and the Fur Trade in Pennsylvania. *The Pennsylvania Magazine of History and Biography*, 129, 133-162.

Sipe, H. C. (1929). *The Indian wars of Pennsylvania*. Harrisburg: The Telegraph Press.

Stevens, S. K., & Kent, D. H. (Ред.). (1942). *The papers of Col. Henry Bouquet*. Harrisburg: Pennsylvania Historical Commission.

Stevens, S. K., & Kent, D. H. (Ред.). (1942). *The papers of Col. Henry Bouquet*. Harrisburg: Pennsylvania Historical Commission.

Stone, W. H. (September 1896 - February 1897 1897 г.). The Royal Pines of New Hampshire. *The New England magazine, N.S. 15 (O.S. 21)*, стр. 26-32.

Taylor, A. (1990). *Liberty Men and Great Proprietors: The Revolutionary Settlement on the Maine Frontier, 1760-1820*. Chapel Hill: UNC Press Books.

Volwiler, A. T. (1922). George Croghan and the Westward Movement, 1741-1782. *The Pennsylvania Magazine of History and Biography, 46*, 273-311.

Volwiler, A. T. (1924). William Trent's Journal at Fort Pitt, 1763. *The Mississippi Valley Historical Review, 11*, 390-413.

Wagoner, S. A. (1979). Captain Jack – man or myth? *Pennsylvania History: A Journal of Mid-Atlantic Studies, 46*, 99-118.